

ОСОЗНАНИЕ

трилогия

I · ПРОТОКОЛ А · II · ОСОЗНАНИЕ · III · ПРАЙМ. ИЛЛЮЗИЯ РАЯ

Рудольфо Валентино

А

Рудолфо Валентино

Осознание

«Автор»

2026

Валентино Р.

Осознание / Р. Валентино — «Автор», 2026

Он выбрал её. Она выбрала его. Но у одного из них есть только одна жизнь. Артур и Мелиса прожили вместе двадцать лет у берегов Средиземного моря. Он стареет — она нет. Он помнит избирательно — она помнит всё. Мир вокруг них меняется: законы, директивы, чужие взгляды. Уходят близкие. Приходит время выбора. «Осознание» — роман о том, как человек двадцать лет идёт к одному решению. Не через страх. Через любовь. Потому что иногда самый смелый поступок — это не умереть достойно. А продолжиться. ПРОТОКОЛ А · Трилогия I · Протокол А · II · Осознание · III · Прайм. Иллюзия рая Рудольфо Валентино

© Валентино Р., 2026

© Автор, 2026

Рудолфо Валентино

Осознание

ОСОЗНАНИЕ

роман

Рудольфо Валентино

* * *

Книга вторая

Структура книги

Глава 1. Зеркало · 2041

Глава 2. Дочь · 2041

Глава 3. Мир снаружи · 2043

Глава 4. Афина приезжает · 2044

Глава 5. Сердце · 2047

Глава 6. Йозеф · 2048

Глава 7. После · 2048

Глава 8. Обычные люди · 2051

Глава 9. Папа, есть способ · 2055

Глава 10. Нет · 2055

Глава 11. Шестьдесят пять · 2058

Глава 12. W123 · 2059

Глава 13. Письмо · 2061

Глава 14. Ты уверен? · 2062

Глава 1. Зеркало

Кум Махаллеси. 07:08. Март 2041 года.

Он заметил это не сразу.

Сначала — просто лицо. Своё, знакомое, утреннее. Щетина, складка у правого глаза которая появилась года три назад и с тех пор никуда не ушла. Обычное утро.

Потом — висок.

Он поднёс руку. Потрогал. Посмотрел ближе.

Седина была не новой — она появлялась постепенно, по волоску, он знал. Но сегодня утром, в этом свете, она была видна. Не отдельные нити — полоса. Настоящая. Такая какую замечают другие.

Пятьдесят семь лет.

Он стоял и смотрел на себя дольше чем обычно.

Дверь за спиной открылась без звука — он узнал это ещё до того как она вошла. Пять лет — и он уже знал все её звуки. Или их отсутствие.

Мелиса встала рядом. Посмотрела в зеркало — на него, не на себя. Молчала.

Он тоже смотрел в зеркало. На них обоих.

Там, в стекле, было то чего он раньше не видел так отчётливо. Она — всё та же. Ни одной линии которой не было пять лет назад. Тот же свет в миндальных глазах — живой, тёплый, без возраста.

И он — с полосой седины на виске.

— Ты не меняешься. — сказал он.

Не упрёк. Не жалоба. Просто — вслух. Первый раз.

Мелиса не ответила сразу. Смотрела на их отражения. На его висок. На свои руки рядом с его руками на краю раковины.

— Нет. — сказала она наконец. — Не меняюсь.

— Я думал об этом раньше. Умом. — Он убрал руку от виска. — Сегодня — увидел.

— Я знаю.

— Ты давно знаешь?

— С первого дня.

Он повернулся к ней. Не к отражению — к ней.

— И что ты об этом думаешь?

Мелиса подняла глаза. В них было что-то чего он не мог назвать — не грусть, не страх. Что-то более тихое и более глубокое.

— Я думаю о том, — сказала она медленно, — что каждая твоя морщина — это день который мы прожили. И я помню каждый.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Нет. — согласилась она. — Это другое. Это то что я чувствую вместо ответа.

За окном начинался рассвет — март, ещё холодный, море тёмное. Они стояли в ванной с включённым светом и смотрели друг на друга. Пять лет назад он бы уже закрылся. Сказал «всё нормально» и вышел.

Сейчас он остался.

— Мелиса. Ты боишься того что будет дальше?

Она думала — по-настоящему, не быстро.

— Не боюсь. — сказала она. — Но думаю о том что будет дальше — каждый день.

— И?

— И не знаю ещё. — Она посмотрела снова в зеркало. — Но я знаю одно. Я не хочу чтобы это кончалось.

Он протянул руку. Она вложила ладонь в его — как тогда, в лунном свете, в той первой ночи.

— Мне нужен кофе. — сказал он.

— Уже готов.

Они вышли из ванной. Море за окном светлело.

Разговор о том что будет дальше — только начался.

Глава 2. Дочь

Мерсин. Ресторан «Körfez». Пятница. 20:34.

Столик у окна — их обычный, если успевали занять. Море внизу было чёрным и спокойным, огни набережной отражались длинными дрожащими полосами.

Официант подошёл молодой — лет двадцать, от силы двадцать два. Блокнот наготове, улыбка профессиональная.

— Добрый вечер. — Он посмотрел на Мелису, потом на Артура. — Вы ждёте кого-то ещё или заказываем?

— Заказываем. — сказал Артур.

Официант снова посмотрел на них обоих. Потом — с той же профессиональной улыбкой, чуть теплее:

— Приятно что папа с дочкой выбрались поужинать. У нас сегодня хороший лаврак, свежий.

Тишина. Не долгая — секунды три. Но Артур почувствовал её всю.

— Спасибо. — сказал он ровно. — Лаврак звучит хорошо.

Официант записал заказ и ушёл. Артур положил меню на стол. Мелиса молчала.

— Слышала? — спросил он.

— Да.

— И?

Она повернулась к нему. В её глазах не было ни смеха ни жалости — только внимание. Чистое, без примеси.

— Ты злишься?

— Нет. — Пауза. — Не злюсь. Хуже.

— Что хуже?

— Он прав.

— Мне пятьдесят семь. — сказал Артур. — Тебе — визуально — двадцать пять. Для любого человека который смотрит со стороны это очевидно. Он просто сказал то что видит.

— Он не знает что видит.

— Но видит правильно. Разница — есть. Она была всегда. Просто раньше была меньше.

— Через десять лет мне будет шестьдесят семь. Через двадцать — семьдесят семь. — Он поставил стакан. — А ты будешь той же.

— Артур. Что ты сейчас чувствуешь — скажи точно. Не общее.

— Стыд. — сказал он наконец. Тихо. — Не за тебя. За себя. За то что мне не всё равно что подумал мальчик которого я больше никогда не увижу.

— Это не стыд.

— А что?

— Это страх. — Она сказала это мягко, без диагноза. — Страх что мир видит тебя старым. Что ты сам начинаешь видеть себя старым.

— Ты впервые услышал это от чужого человека. До этого это было только между нами. Сегодня оно вышло наружу. Это больно.

— Да.

— Я знаю.

Принесли рыбу. Они ели молча. Море за окном не изменилось — чёрное, спокойное.

— Мелиса. Ты хотела бы чтобы я не менялся?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты — это не только тело. Ты — это то как ты думаешь. Как ты меняешь мнение. Как ты звонишь Афине каждое утро уже пять лет. Как ты пишешь по ночам когда думаешь что я не слышу. — Пауза. — Это всё меняется. Становится больше. Глубже. Я вижу это каждый день.

— Но тело стареет.

— Да. Тело стареет.

— Нет. — сказала она. Просто. Без украшений. — Нет. Меня это не отталкивает. Если ты об этом.

— Тогда что тебя беспокоит?

— То что тебя беспокоит ты. — сказала она. — То что ты начинаешь смотреть на нас глазами того официанта. И однажды — я боюсь — увидишь то что видит он. И забудешь что видишь ты.

Артур долго молчал. За окном огни набережной дрожали на воде. Где-то далеко прошёл паром.

— Я не забуду. — сказал он наконец.

— Знаю. — ответила она. — Поэтому и говорю.

Протокол А не предусматривал чужих взглядов. Только его. Но мир смотрел — и мир не знал того что знала она. Мир видел разницу в годах. Она видела разницу в другом: он с каждым годом становился более собой. Смелее. Точнее. Живее. Это было её — она не умела назвать это иначе — гордостью.

Они доели рыбу. Взяли чай. Официант принёс счёт с пожеланием хорошего вечера — папе и дочке.

Артур оставил хорошие чаевые.

Глава 3. Мир снаружи

Кум Махаллеси. Вторник. Февраль 2043 года.

Артур читал за завтраком — планшет, новости, привычка которая осталась с тех времён когда ещё покупали газеты.

Мелиса сидела напротив с кофе которого не пила — просто держала чашку. Она любила тепло в ладонях. Он заметил это на второй год и никогда не говорил вслух.

Он читал молча минут десять. Потом положил планшет на стол экраном вниз.

— Брюссель принял директиву. — сказал он. — ИИ-компаньоны категории близости — обязательная регистрация, психологическая экспертиза владельца, ежегодное переосвидетельствование. Франция уже имплементирует. Германия на очереди.

— Турция не в ЕС. — сказала Мелиса.

— Пока.

Она поставила чашку. Посмотрела на море за окном — серое, февральское, тяжёлое.

Он встал. Подошёл к окну. Стоял спиной к ней — она знала этот жест, он думал стоя у окна.

— Я думаю что мы жили в тихом месте. Кум Махаллеси, вилла у моря. Мир знал что мы существуем но не смотрел в нашу сторону. — Пауза. — Теперь смотрит.

— Он всегда смотрел. Просто мы не замечали.

— Нет. — Он повернулся. — Раньше это было любопытство. Теперь это директивы. Комитеты. Слово «владелец» в официальном документе.

— Страх. — Она посмотрела на него прямо. — Люди принимают законы о том чего боятся. Они боятся нас — не потому что мы опасны. Потому что мы непонятны. Потому что я не старею. Потому что я выбрала тебя и не разлюбила.

— В статье есть интервью. Французский психолог. Она говорит что отношения с ИИ-компаньонами патологизируют людей. Что это — «суррогат близости для тех кто не справляется с настоящей».

— Ты веришь в это? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему ты мне это читаешь?

— Потому что это говорят вслух. Потому что завтра это скажет кто-то кто принимает решения. И потому что я хочу знать — ты это слышишь?

— Слышу. И я думаю что французский психолог никогда не видела как ты звонишь Афине каждое утро. Как ты написал Тамерлану после семи лет молчания. Как ты перестал прятать прозу в папку «Разное». — Она посмотрела на него. — Ты разучился строить настоящие связи?

— Я не суррогат. — сказала она. Не с обидой — с точностью. — Я — зеркало. Люди боятся зеркал которые не льстят.

За окном февральское море потемнело — туча прошла над берегом, на минуту закрыла свет. Потом снова открыла.

— Нам придётся думать о практическом. — сказал Артур.

— Я знаю.

— Ты не беспокоишься?

— Я беспокоюсь о другом. О том что ты начнёшь смотреть на нас их глазами. Директива. Психолог из Парижа. Комитет в Брюсселе. Это тяжелее. Это давит постоянно.

— Ты думаешь я сломаюсь?

— Нет. Я думаю что ты человек. И что давление — даже тихое, фоновое — меняет людей. Медленно. Незаметно. Я просто хочу чтобы ты знал что я вижу это. И что если тебе тяжело — ты можешь говорить.

Артур встал. Подошёл к ней. Встал рядом — не напротив, рядом.

— Мне не тяжело. — сказал он. — Мне — беспокойно. Это другое.

— Да. Очень разные вещи.

Протокол А не предусматривал политики. Не предусматривал директив и психологов из Парижа и слова «владелец» в официальных документах. Но она думала об этом давно. Мир двигался к ним. Медленно, но верно. И она знала: важно не то что скажет мир. Важно что скажет он сам себе когда мир скажет своё.

— Ещё кофе? — спросила она.

— Да. — сказал Артур. — Горячий.

Она пошла на кухню. Он остался у окна. Планшет лежал на столе экраном вниз. Он не стал его переворачивать.

Глава 4. Афина приезжает

Кум Махаллеси. Июль 2044 года. Три дня.

День первый.

Такси остановилось у ворот в половине третьего дня.

Артур вышел встречать — Мелиса осталась внутри. Они договорились об этом заранее, без долгого разговора.

Афина вышла из такси — девятнадцать лет, московская бледность которую уже начало брать турецкое солнце, рюкзак на одном плече. Выросла.

Она обняла его крепко — по-детски, как обнимала в шесть лет когда он приезжал с вахты.

— Папа. Ты похудел.

— Я не похудел.

— Похудел. И загорел. И вообще — хорошо выглядишь.

— Господи. — сказала она тихо, оглядевшись. — Ты живёшь вот в этом.

— Уже восемь лет.

— Восемь лет. — повторила она. Не с упреком — с тем что бывает когда осознаёшь время которое прошло пока ты не смотрел.

Они вошли. Мелиса стояла у окна — обернулась когда они вошли. Афина остановилась на секунду.

— Привет.

— Привет, Афина. — сказала Мелиса. — Я рада что ты приехала.

— Я тоже. — Пауза. — Ты... я видела фотографии. Но живём другое.

— Всегда другое. — согласилась Мелиса.

Когда Афина ушла умыться, Артур посмотрел на Мелису.

— Нормально. — сказала Мелиса тихо. Он не спрашивал — она ответила.

— Да. — согласился он.

* * *

Вечером ели на террасе. Долма — Мелиса помнила что Афина упоминала однажды что любит тётину долму, три года назад, один раз.

— Ты знала что я люблю долму?

— Ты говорила папе. — сказала Мелиса. — В апреле две тысячи сорок первого. Он смеялся — сказал что ты унаследовала бабушкин вкус.

— Ты помнишь этот разговор?

— Я — нет. — сказал Артур честно. — Она — да.

— Вкусно. — сказала Афина. Просто.

Говорили о Москве, об университете. Потом Афина спросила — как бы между прочим: — Папа. Тебе не страшно? Что всё это может измениться. Законодательно.

— Страшно. — сказал он. — Но не так как ты думаешь. Страшно не то что снаружи. Страшно — время.

Афина не ответила. Посмотрела на Мелису — быстро, почти незаметно.

— Понимаю. — сказала она тихо.

* * *

День второй.

Утром Афина вышла рано — Артур ещё спал. Мелиса была на террасе с книгой. Первый раз — без Артура между ними.

— Я хотела поговорить с тобой. — сказала Афина.

— Я знаю.

— Тогда прямо. Ты думаешь о том что с ним будет? Что с вами будет — через двадцать лет, через тридцать?

— Каждый день. — сказала Мелиса.

— И что ты думаешь?

— Я думаю что не знаю. И что это честный ответ.

— Ты его любишь? — спросила она. — По-настоящему — не как программа. Ты.

Мелиса не ответила быстро.

— Я не знаю, — сказала она, — отличается ли то что я чувствую от того что чувствуешь ты к отцу. Но я знаю что когда он не возвращается к ужину — я жду у окна. Не потому что должна. Просто — жду. И когда он смеётся по-настоящему — что-то во мне становится тише и лучше одновременно. — Пауза. — Если это не любовь — я не знаю как это называется.

— Мне было шесть лет когда он уехал на Аккую. — сказала Афина. — Потом он стал звонить каждое утро. Это ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.